

було б визнати правими лише в тому випадку, коли «Історія» обривалася б на якій-небудь конкретній події у послідовному ланцюзі подій греко-персидської війни у тісному розумінні цього терміну, а не на ретроспективному моралізуванні про два шляхи історичного розвитку народів взагалі та зокрема персів, — шлях бідності та незалежності, мужності і миру, з одного боку, та шлях розкошів та рабства, грабінництва та війни, з іншого; ці шляхи мають під собою історичну основу — перший із них, шлях Кіра, це — шлях старих родоплемінних традицій Персії; другий, шлях Артембара, це — шлях східної рабовласницької деспотії. Геродот не вживає сучасних термінів, але добре розуміє, що Персія пішла цим останнім шляхом і що навіть Кір, який бачив його згубність, не міг допомогти персам, зупинити, сказали б ми, їх розвиток по тому ж самому напрямку, по якому розвивалися Ассирія, Лідія та інші східні деспотії. В той же час Геродот відчуває, що його батьківщина не піде цим шляхом, яким Персидське царство дійшло до воєнної поразки і до ганебних двірських усобиць часів Ксеркса. Під кутом зору такої концепції Геродотові було більше нічого додати; перередаговуючи свій твір у Фуриях він міг тільки уточнювати деталі та вдосконалювати мовні засоби, а де-не-де припускати певні натяки на події, пізніші за 445 р. до н. е.

Явна пародія на деякі місця «Історії» в «Ахарнях» Аристофана поставлених на афінській сцені у 425 р. до н. е., ні про що не свідчить, крім цілком зрозумілого факту великої популярності геродотового твору ще й через двадцять років після урочистого винагородження історика. Тому ми твердо тримаємося думки про те, що «батько історії» жив між 500 та 430 рр. до н. е., яку ми висунули на початку цих біглих начерків⁶⁴.

⁶⁴ В архиві покійного М. Ф. Болтенко існує ще декілька невеликих заміток і набросків, зв'язаних з трудом Геродота; однак ці матеріали не були включені автором в склад серії екскурсів під загальним називом «Herodoteana», публікація котрої закінчується в нинішньому томі. — *Редколлегія*.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ • ПЛЕМЕН ДНЕСТРО-БУГСКОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

М. С. СИНИЦЫН

Древние авторы оставили фрагментарные сведения об оседлом населении Днестро-Бугского Причерноморья скифо-сарматского времени. Отрывочные сведения по этому вопросу требуют всестороннего использования других источников, в особенности археологических памятников, в том числе и материалов погребений, собранных археологами-специалистами и любителями в продолжении XIX и XX ст. Но следует иметь в виду, что значительная часть захоронений не всегда раскопана и зафиксирована с достаточной тщательностью. Кроме того, большая часть их не была своевременно издана авторами раскопок, а опубликована позднее другими лицами, что безусловно снизило научное значение этих источников¹. Но это не дает права относиться к данной группе исторических источников без соответственного внимания и настоятельно требует очень осторожного и внимательного их изучения.

Однако, кроме этих трудностей, следует иметь в виду и те, которые обусловлены самой сущностью погребальных обрядов как проявлений религии, т. е. проявлений идеологии, более отдаленной от материально-экономической основы². Религии, которые зародились стихийно еще в эпоху среднего палеолита³, развивались в последующие эпохи в каждом роде, группе родов, племени и союзе племен в зависимости от жизненных условий, выпавших на долю их творцов⁴.

Разнообразные жизненные условия родов, племен и групп племен и незначительные связи между ними были основой возникновения различных религий. Многочисленность племенных религий, а отсюда и разнообразие религиозных обычаев, в том числе и погребальных обрядов, отражающих представления о потусторонней жизни, составляют основные трудности в использовании захоронений как исторического источника. К тому же возникшие племенные религии изменялись не только в связи с развитием производительных сил, от которых они в своем раз-

¹ И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, Киев, 1951, стр. 57—60, 16—31 и др.

² Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 312—313.

³ В. Ф. Зыбковец, Опыт интерпретации мустьерских погребений, Вопросы истории религии и атеизма, М., 1956, т. IV, стр. 104.

⁴ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, стр. 313.

витии сильно отставали, но утрачивали всякую силу сопротивления, когда погибала независимость определенных племен, союзов племен и народов. А иногда, как это было, например, у германцев, для гибели их первобытной языческой религии оказалось достаточно столкновения с Римской империей, с ее мировой христианской религией⁵. Сказанное еще не значит, что религия древних германцев при столкновении с христианской религией исчезла бесследно. Ф. Энгельс указывает, что религия, один раз возникнув, всегда сохраняет определенный запас представлений, унаследованных от прежних времен, потому что она из всех частей идеологии является наиболее консервативной⁶. Это относится и к погребальным обрядам как религиозным явлениям.

Для подтверждения только что сказанного остановимся на некоторых примерах. На Украине, несмотря на многовековую нивелировку погребальных обрядов государством и православной церковью⁷, сохранились локальные погребальные обычаи с архаическими чертами. Обычно, здесь хоронят покойников на кладбище в четырехугольных ямах, ориентированных с запада на восток. Однако, в отдельных случаях, до 1917 г. хоронили возле домов, в усадьбах⁸. До настоящего времени в с. Линово и Калищи (Путивльский район, Сумская область) покойников хоронят в ямах с подбоями, а в соседних селах подбойные захоронения не встречаются. В с. Покровское (Днепропетровская область) простые ямные и с подбоями захоронения распространены в одинаковой мере. При этом в ямах с подбоями, как правило, хоронят уважаемых членов семьи, а остальных — в простых четырехугольных ямах. В с. Бирловка (Черкасская область) хоронят покойников в ямах, ориентированных с запада на восток, с подбоями под северным бортом.

У монголов (магометан-лобнорцев) подбой высекают в западной стене ямы, ориентированной по меридиану. Покойника кладут на камышевую подстилку на бок, лицом на запад, головой на юг⁹. Магометане-уйгурцы копают яму, ориентированную по меридиану. В неглубокой яме (в рост человека), в восточном срезе, немного выше дна, во всю ее длину делают подбой, в котором может свободно встать покойник. Тело кладут в вытянутом положении на спине, головой на юг, а лицом немного повернутым на запад¹⁰. Затем вход в подбой закладывают кирпичом, а яму засыпают землей. Дунганы (официально — магометане) хоронят своих мертвецов, подобно лобнорцам и кашгарцам, в нишах, но погребальная ниша отделена от ямы аркой — «воротцами»¹¹. Лобнорцы, уйгурцы, дунганы — все магометане, однако относятся к различным народностям, с различными культурно-историческими и погребальными традициями. Безусловно, магометанский погребальный ритуал на протяжении ряда веков в значительной мере сгладил местные черты в погребальных обрядах, но из-под правомерно-магометанского обряда погребения четко выступают местные традиции в сооружении подбоя и

⁵ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, стр. 294.

⁶ Там же, стр. 315.

⁷ А. А. Котляревский, О погребальных обычаях славян, ИОРЯС, т. XIX, 1891, стр. 125.

⁸ С. Н. Библиков, К вопросу о погребальном ритуале в Триполье, КСИИМК, XVIII, стр. 39.

⁹ Н. М. Пржевальский, От Кяхты на истоки Желтой реки, М., 1948, стр. 195.

¹⁰ М. В. Певцов, Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь, М., 1949, стр. 138.

¹¹ Г. Г. Стратанович, Экспедиция к дунганам ошской группы, КСИЭ, VI, стр. 24.

положении трупа, например, хотя бы у лобнорцев, которые кладут своих покойников на камышевую подстилку.

Переселение (вынужденное и добровольное) отдельных лиц, значительных масс населения, контакты между различными народами обуславливают смешение различных религиозных верований, а в том числе и погребальных обрядов. Примером только что сказанному может служить проникновение в эллинистический период в Грецию и в Рим императорских времен культов Ближнего Востока. Такой подход, заметим попутно, дает возможность понять распространение в эллинистических Афинах скорченных погребений. Ведь общеизвестным является наличие в Аттике рабов и вольноотпущенников из числа уроженцев Геродотовой Скифии, где скорченные погребения были обычным явлением. Рабы из Северного Причерноморья, вероятно, занесли в Аттику обычай хоронить покойников в скорченном положении.

Этнографам хорошо известно, что погребальные обычаи многих народов на сравнительно ранних этапах развития, во всяком случае в обществах, которые еще не знают классов и классовой борьбы, бывают разными в зависимости от пола и возраста покойников. В Африке племена ниам-ниам и бонги хоронят своих покойников: первые — мужчин лицом на восток, женщин лицом на запад, а вторые — мужчин лицом на запад, женщин лицом на восток¹². Кафры обычно своих покойников выбрасывают в вырытый для этого неподалеку от села ров, вождей же хоронят с различными церемониями, в той же ограде, где мужчины племени собираются на сходки. После церемонии тело вождей старательно обкладывают камнями¹³.

В Америке, в Виргинии, тела умерших вождей и шаманов бальзамировали и хоронили в специальных сооружениях, а других покойников закапывали в землю или клали на специальные помосты¹⁴.

Среди племен Австралии, обитавших по нижнему течению реки Марея, встречаются племена, у которых погребальные обычаи различны для детей, мужчин, женщин и т. д. Так, у одного из племен этих мест детей, родившихся мертвыми, сжигали; если ребенок умирал своей смертью, то тело его заворачивали в сверток, который некоторое время носили с собой, затем клали кости на помост и, наконец, зарывали их в землю; мужчину средних лет заворачивали и оставляли на помосте до того времени, пока не оставались лишь кости, которые и закапывали в землю; останки очень старых женщин немедленно закапывали в землю или клали на распустье. Почти так же поступали со старшими мужчинами, но когда умирал юноша или взрослый мужчина-воин в расцвете сил, тогда совершался очень сложный погребальный обряд, который включал особенности всех других форм, а также специальную обработку тела. Отделяли верхний слой кожи и волосы, зашивали все отверстия, смазывали жиром и красной охрой и высушивали над огнем. Затем мумию носили с собой в форме свертка и оплакивали. После этого клали ее на помост, где она находилась до того времени, пока все не истлело, кроме костей, которые и закапывали в землю¹⁵.

Погребальные обряды часто имеют локальный характер и на разных этапах истории различны. Так, например, у древних греков в Афинах и других городах кладбища находились за городом, возле больших

¹² Ш. Летурно, Социология по данным этнографии, СПб, 1896, стр. 13.

¹³ Там же, стр. 134.

¹⁴ В. Хрузина, Этнография, М., 1910, вып. II, стр. 403.

¹⁵ А. Эльман, Коренное население Австралии, М., 1952, стр. 241.

дорог, а в Спарте — в городе. В архаическую эпоху греки своих покойников сжигали, а позже основной формой захоронения стало труположение в деревянных, глиняных и каменных саркофагах¹⁶.

В греческих некрополях Малой Азии, на островах и материке, а также в некрополе Афин классической эпохи были распространены три типа сжигания. Первый из них заключается в том, что пепел и кости сожженного трупа на специально отведенном месте собирали в урну, закрывали ее посудой или плитой и ставили в специально вырытую для нее яму. Ко второму типу можно отнести такое погребение, при котором сжигание проходило непосредственно в той могиле, где происходило захоронение урны с прахом. И, наконец, к третьему типу относится сожжение трупа в яме без последующей засыпки его землей¹⁷.

Эти факты созвучны пока что малочисленным, но надежным данным археологии. А. Е. Алихова констатировала в описанном ею Муранском могильнике Ульяновской области разницу в захоронениях в зависимости от пола. Мужчин хоронили на спине в вытянутом положении; женщин и девушек чаще всего хоронили в позе спящего человека на правом боку, с согнутыми руками и ногами, причем кисти рук находились, естественно, возле лица¹⁸. И. В. Синецын, описывая захоронения Нижнего Поволжья, указывает, что костяки лежали в большинстве случаев на спине с согнутыми и поднятыми вверх или наклонившимися в одну сторону коленями, а в некоторых случаях женские и все детские кости лежали на спине с вытянутыми конечностями, головой чаще всего на восток или юго-восток, реже на юго-запад¹⁹. Этот же автор говорит, что в некоторых могилах покойники лежали на досках, окрашенных в красный цвет. В других могилах отмечены остатки подстилки из травы. Дно могилы и костяки (чаще череп и ступни ног) покрыты красной краской²⁰. Этот же исследователь, отмечая богатые захоронения, объясняет их положением и значением покойника в жизни общества²¹.

А. Н. Бернштам отмечает разницу между мужскими, женскими и детскими захоронениями у саков Памира. Найденные им мужские захоронения находились под насыпями, а женские и детские — в небольших ямах, которые были высечены в материке²².

Как отмечалось выше, религии и погребальные обряды первобытных племен, с одной стороны, теряли силу сопротивления не только при потере независимости, а и при столкновении с религиями более экономически развитых племен и народов. С другой стороны, религии первобытных народов и их отдельные элементы (в том числе и погребальные обряды) обладали большой способностью существовать рядом с новыми элементами, в недрах новых религиозных верований и погребальных обрядов, которые возникали как в процессе внутреннего развития, так и в результате заимствований. Например, захоронения с конем известны в науке на территории Среднего и Южного Поволжья с доскифских времен²³. В степной полосе Украины этот тип захоронений широко распро-

¹⁶ Ф. Любкер, Реальный словарь классической древности, 1887, стр. 1167.

¹⁷ J. Basan, Aus Ionischen und Italischen Necropolen, Leipzig, 1895.

¹⁸ А. Е. Алихова, Муранский могильник и селище, МИА, № 42.

¹⁹ И. В. Синецын, Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья, СА, X, стр. 144.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 155—156.

²² А. Н. Бернштам, Саки Памира, ВДИ, 1956, № 1, стр. 127.

²³ А. Е. Алихова, Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, КСИИМК, 59, стр. 99.

раняется в скифский период, хотя находки отдельных конских костей известны еще в усатовских погребениях²⁴. У древних литовцев захоронения с конем появляются на рубеже нашей эры²⁵. На Киевщине распространяются погребения с конем в сопровождении предметов, украшенных орнаментом скифского звериного стиля, трехгранных бронзовых шпел, акинаков, скифской конской сбруи и др. в VI в. до н. э.

Распространение на Киевщине в VI в. до н. э. в курганах захоронения с конем обоснованно связывается с передвижением сюда из более восточных земель скифов. Пребывание же на территории Литвы скифских племен в современной науке ничем не может быть подтверждено, а поэтому появление захоронений с конем у древних литовцев может быть объяснено лишь влиянием погребальных обычаев соседних племен и обязательно первоносителей этого обычая — скифов, а скорее всего влиянием племен лесостепной полосы, с населением которой скифыступили в контакты еще в VI в. до н. э. Обычай захоронения с конем в значном счете, вначале был заимствован племенами, обитавшими на Киевщине, у скифов и бытовал в тех местах до IX—X вв. в захоронениях дружинников²⁶. Обычай захоронения с конем в Литву, вероятно, проник из лесостепной полосы и прошел этот путь за пять столетий.

Вышеуказанные трудности частного и общего порядка обязуют прежде чем приступить к рассмотрению погребальных обычаев Днестро-Бугского Причерноморья скифо-сарматского времени учесть все известные в литературе погребальные обычаи доскифского времени на изучаемой территории и, по возможности, определить характерные черты погребальных обычаев этого времени. После этого следует описать погребальные обычаи скифо-сарматского времени исключая случаи, в которых может проявиться греческое влияние. Описав захоронения скифо-сарматского времени, следует выделить черты, возникновение которых может быть объяснено экономическими и политическими причинами. После этого надлежит сопоставить обряды захоронений скифо-сарматского времени с погребальными обрядами доскифского периода, что даст возможность выделить погребальные обычаи, которые являются продолжением традиций доскифского времени, с одной стороны, а с другой — новые черты, появившиеся в нашем крае в скифо-сарматское время. Учет распределения на карте Днестро-Бугского Причерноморья погребений с чертами доскифского времени и с чертами, появившимися лишь в скифское и сарматское время, позволит наметить место проживания племен, сохранивших традиции доскифского времени и определить территорию распространения племен с погребальными обычаями, появившимися в скифо-сарматское время, а также наметить пути проникновения на нашу территорию погребальных обычаев, характерных для скифо-сарматского времени.

В Днестро-Бугском Причерноморье, начиная с эпохи бронзы, существовали бескурганые и курганные могильники, которые начали фиксироваться еще в первой половине XIX в. В Новоградовке (Нейбург), Овидиопольского района, Одесской области, в 1830 г. при обработке

²⁴ П. Д. Либеров, Скифские курганы Киевщины, КСИИМК, XXX, стр. 97; Э. Ф. Патокова, Изображение животных на памятниках Большого Куяльника-Усатова, МАСП, вып. 1, Одесса, 1957, стр. 34—40.

²⁵ Р. К. Куликаускаене, Погребения с конями у древних литовцев, СА, XVII, стр. 221.

²⁶ Д. И. Блитель, К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв., СА, т. XX, стр. 152—153.

грунта под виноградники и при других хозяйственных работах находили захоронения в неглубоких ямах, перекрытых каменными плитами²⁷. Село Новоградовка расположено в широкой пологой долине степной речки Барабой. По склонам долины под тонким слоем чернозема залегают известняки. Очевидно, несовершенство орудий труда, недостаточное количество строительного леса обусловили возникновение небольших погребальных ям, которые высечены в черноземе и перекрыты плитами известняка. Захоронения, случайно найденные в Новоградовке, не дают полного представления о захоронениях этого периода. Сравнительно полное представление можно получить, ознакомившись с захоронениями, хронологически и территориально близкими к новоградовским, с бескурганными погребениями усатовского могильника и других мест нашего края.

В 1936 г. Одесским археологическим музеем было раскопано три захоронения на Усатовском бескурганном могильнике. Скорченные костяки лежали головами на юг, на левом боку, в неглубоких ямах, перекрытых плитами известняка²⁸. Возле с. Прибужье (Доманевский район, Николаевская область) на глубине 0,05—0,10 м от современной поверхности найдено скорченное женское погребение. Костяк, густо посыпанный красной краской, лежал на правом боку, теменем на восток²⁹.

Бугской археологической экспедицией на правом берегу реки Ю. Буг, в урочище Гард, на участке № 2 найдены остатки захоронения в восточной части мыса, который выступает в обрыв Осокоровской балки. Сохранившаяся верхняя часть костяка залегала на глубине 0,8 м в супесчаном черноземе, головой на восток, лицом на север. Возле головы лежали два камня. На расстоянии 0,30 м от черепа найдена половина плоского костяного кольца с отверстием. В слое над костяком найдены обломки кремня, пластинки и скребочки. На юг от костяка лежала гряда из камней, направленная с севера на юг³⁰.

Бескурганных захоронений доскифского времени в Днестро-Бугском Причерноморье раскопано еще мало, но все же их достаточно для того, чтобы сказать, что костяки в них были ориентированы по-разному и лежали в неглубоких ямах, засыпанных просто землей, иногда перекрытых плитами известняка, либо в каменных ящиках. Возможно, в будущем будут найдены захоронения в неглубоких ямах с закладами из камней. Описанные бескурганные захоронения были с кромлехами и без них. Сказанное не исключает возможности открытия других форм бескурганных погребений, которые могут быть проявлением иных культурных традиций.

Значительное количество захоронений доскифского времени Днестро-Бугского Причерноморья, известных в науке, были найдены в курганных могильниках.

В 1926, 1928, 1929, 1933—1936 и в 1960—1961 гг. был раскопан ряд курганов в Усатово, под Одессой³¹. Эти курганы относятся к тому же

²⁷ В. И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии, Херсон, 1903, стр. 58; В. И. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии, ЗООИД, XVII, стр. 74, 86, 91.

²⁸ В. И. Селинов и Е. Ф. Лагодовская, Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г., СА, V, стр. 257—259.

²⁹ И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 85.

³⁰ Там же, стр. 87—88.

³¹ М. Ф. Болтенко, Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков, ВОКК, Одесса, вып. 2—3, стр. 48—66; В. И. Селинов и Е. Ф. Лагодовская, указ. соч., стр. 239—263.

доскифскому времени, что и бескурганый Усатовский могильник. Рядом расположено селище (с. Большой Куяльник), которое в современной науке некоторыми археологами нижним слоем связывается с поздним трипольем, а верхним — с предскифским временем. Другие же ученые, относя этот памятник к тому же времени, что и первые, видят в усатовской культуре самобытную культуру. Широкие хронологические рамки существования селища, а этим самым в какой-то мере и бескурганного и курганного могильника в с. Усатово, дают возможность в определенной мере познакомиться с обрядами захоронений Днестро-Бугского Причерноморья эпохи бронзы в целом. Раскопанные курганные захоронения, имея между собой очень много общего, содержат и достаточно существенные различия. Последние Е. Ф. Лагодовская, по нашему мнению, вполне обоснованно, объясняет различием значения погребенного в жизни коллектива³².

Общим для всех усатовских курганных захоронений является погребение в скорченном положении на левом боку, хотя встречаются захоронения и на спине с подогнутыми ногами. Ориентированы скелеты были головой на северо-восток или восток. На костях попадались следы охры. Хоронили обычно в неглубоких (0,50—0,75 м) прямоугольных грунтовых ямах с закругленными углами. Но известны случаи захоронений и в более глубоких ямах (1,5 м), а также на уровне древнего горизонта. Ямы перекрывались большими плитами известняка, которые закладывались горами камней поменьше. Погребения в этом могильнике зафиксированы одинарные, парные и коллективные. Костяки ориентированы по оси и по диагонали ям, имевших направление, как правило, с северо-востока на юго-запад.

Курганы различной высоты, диаметром до 40 м, сооружались неодинаково. Встречались курганы с кепидами, обложенные камнем, под насыпями которых находили одинарные и двойные кромлехи. Усатовскому курганному могильнику известны аналогии из различных мест нашего края и близлежащих территорий, где найдена керамика, аналогичная усатовской³³.

Раскопками (М. Ф. Шкадышек, А. В. Добровольский) кургана в усадьбе психиатрической больницы в Красной Слободке (г. Одесса) было обнаружено более тридцати захоронений различного времени, среди которых были найдены погребения и доскифского времени. На грунте были раскопаны захоронения в каменных ящиках, сложенных из плоских плит, поставленных на ребро. Эти четыре грубые плиты, хорошо подогнанные друг к другу на углах, составляли боковые стороны ящика, а пятая — крышку. В ящиках находились сильно скорченные, окрашенные костяки. Погребальные ящики были окружены кромлехом из таких же поставленных на ребро плит. Кромлех окружал четырехугольные и овальные в плане ямы глубиной 0,35—0,50 м, иногда перекрытые плитами. В середине кромлеха, сложенного из плит, поставленных на ребро, раскопан второй кромлех из небольших бесформенных камней, в середине которого найдены скорченные и вытянутые костяки. Одно из центральных захоронений было покрыто большой каменной плитой. Были найдены два захоронения между кромлехами. Все эти захоронения были перекрыты курганной насыпью, в которой найдены три скорчен-

³² О. Ф. Лагодовська, Розкопки усатівського кургану 1940, Наукові записки АН УРСР, 1949, кн. II, стр. 39—53.

³³ Там же, стр. 38; Архив ОГАМ, дневники Е. Ф. Лагодовской.

ных костяка в каменных ящиках. Эти ящики отличались от прежних, найденных в кромлехах. Они сложены были из небольших плит известняка, шели между которыми заполнены щебнем и скреплены глиной³⁴.

В 1957 г. под нашим руководством членами археологического кружка Одесского университета был раскопан курган возле с. Черноморки под Одессой. В этом кургане были найдены захоронения разной сохранности и разного времени. Одно из них находилось в четырехугольной яме на глубине 0,45 м от горизонта. Яма была перекрыта плоскими плитами известняка, положенными на линии горизонта. Костяк лежал на спине со сложенными на груди руками, ориентирован головой на северо-восток и окрашен. Подогнутые ноги лежали коленями на северо-запад. Возле головы с правой стороны был найден глиняный сосуд с едва заметным дном, с прямым, немного отогнутым наружу венчиком. Сделан он из темной глины и плохо обожжен. Под венчиком его почти яйцевидного тулова аккуратно нанесен елочный орнамент. Этот сосуд в сильной степени напоминает глиняную посуду древнейшей культуры³⁵.

Немецким ученым М. Эбертом в 1910—1911 гг. в окрестностях хутора Островка (Марициново), Очаковского района, западнее Ю. Буга, были проведены раскопки восьми курганов, в которых все костяки были окрашены. Скорченные погребения исследователем были найдены в четырехугольных с закругленными углами ямах, перекрытых плитами известняка, а также в четырехугольных каменных ящиках, расположенных на уровне горизонта, или в ямах, возможно, с деревянным перекрытием. Исследователь не выяснил положение костяков в четырехугольных ямах, обложенных по краям камнями, и в четырехугольных ямах, перекрытых плитами известняка. Инвентарь, найденный М. Эбертом в захоронениях, дает возможность отнести могильник к предскифскому времени³⁶.

А. А. Спицын скептически отнесся к находкам М. Эберта³⁷. Такое отношение крупнейшего русского археолога к данным немецкого ученого обусловлено, главным образом, недостаточной освещенностью этого вопроса в то время в специальной литературе.

И. Ф. Савицкий возле с. Терноватое (Широкополановский район, Николаевская область) в раскопанном им кургане, под насыпью, обнаружил в грунте каменный ящик из больших плит, в котором лежал скорченный костяк на правом боку головой на восток. Под головой была насыпана красная краска³⁸. Возле с. Ковалевка (того же района) при раскопках кургана, найдена «гробница» из крупных каменных плит, обтесанных по углам. Гробница (каменный ящик.— М. С.) была перекрыта плитами. Камни гробницы и крышка ее были скреплены между собой серой массой (веществом). Вокруг гробницы шел (на линии горизонта) кромлех из небольших каменных плит, поставленных на ребро³⁹.

³⁴ М. Ф. Шкадышек, Погребения каменного века в г. Одессе, ЗООИД, XXXII, Протоколы, стр. 3—9; А. В. Добровольский, Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка—Романовка, ЗООИД, XXXII, стр. 13—145; И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 42—43.

³⁵ М. С. Синицын, Курган в с. Черноморка под Одессой. МАПП, вып. III, Одеса, 1960, стр. 191—193.

³⁶ M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Praehistorische Zeitschrift, 1911, Bd. II, N. 3-4.

³⁷ А. А. Спицын, Курганы скифов-пахарей, ИАК, 65, стр. 93.

³⁸ ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, стр. 283.

³⁹ Там же, стр. 282—284.

Возле с. Осиповка (Большевладиевский район, Николаевская область) в 1872 г. Крыжановским в насыпи кургана был найден каменный ящик из больших плит, в котором был пепел и много черепков⁴⁰.

Е. Ф. Лагодовской в 1930 году обследовано погребение в с. Петровка (Коминтерновский район, Одесская область). Захоронение находилось в каменном ящике из плит, поставленном либо в насыпи кургана, либо на линии горизонта. Каменный ящик, который состоял из трех плит, был перекрыт четвертой (одна сторона ящика была открыта)⁴¹.

Возле с. Мостовое (Ляхово, Николаевская область) в 90-х годах прошлого столетия археолог-любитель Эрдели при раскопках курганов обнаружил захоронения, которые, судя по его сообщениям, относятся к различным эпохам. Автор раскопок утверждает, что в материковых ямах были обнаружены окрашенные костяки, а в насыпи — скорченные⁴². В заметке не упоминаются ни каменные ящики, ни каменные плиты, ни заклады из камней, которыми перекрывали ямы.

Возле с. Каменный Мост, Первомайского района, Николаевской области, неподалеку от станции Концеполь, в курганной группе «Шулакова Могила», в распаханном кургане, в западной ее части, обнаружен полукруг рва и ограда из очень больших необработанных каменных плит (крепида, кромлех?)⁴³. В одном из курганов в с. Грушевка (Первомайский район, Николаевская область), как рассказывает владелец усадьбы, обнаружено больше десятка человеческих костяков, каждый из которых лежал под каменной плитой⁴⁴.

В 1952 году на трассе Ингулецкого канала, возле Криничной балки (Снегиревский район, Николаевская область) нами был раскопан курган. Найденные в кургане захоронения относятся к разным эпохам. Древнейшие из них найдены в ямах, высеченных в материке, перекрыты крупными плитами известняка (захоронения 1, 2, 3 и 4). Здесь следует отметить, что в этой местности известняки залегают на глубине 50 м от современной поверхности, что дает полное право отвергать возможность добычи этих плит на месте в те времена. Плиты для этих захоронений, скорее всего, были доставлены с берегов Ингульца (5—6 км от места раскопок), где известняки в обрывах выступают на поверхность.

Захоронения 1, 2, 3 и 4 связаны между собой не только закладами из больших плит, но и неглубокими ямами, высеченными в материке. Положения же костяков были различны. Костяк в захоронении № 1 лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на запад, а № 3 лежал на левом боку и тоже головой на запад. Костяк в захоронении № 2 лежал на растительном настиле, на спине с подогнутыми ногами, головой на восток. Захоронение № 4 лишь человеческой головы, найденной под плитой, аналогичной плитам погребений № 1, 2 и 3, возможно, возникло в результате какой-то особенности смерти.

Обычай перекрывать погребения крупными плитами известняка, возможно, возник еще во времена, когда население этих мест жило по берегам Ингульца, где известняк выходил на поверхность, а поселенцы, возможно, занимались рыболовством, в широкой долине—мотыж-

⁴⁰ В. И. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии, ЗООИД, т. XVII, стр. 173—174; ЗООИД, т. IX, стр. 445—446.

⁴¹ О. Ф. Лагодовська, Археологічна подорож до Курісово-Покровського, ВОКК, ч. 4—5, Одеса, 1930.

⁴² Археологическая летопись Южной России, 1899, т. 1, стр. 212—213.

⁴³ П. В. Харламович, Матеріали з археології та історії Первомайщини, ВОКК, ч. 4—5, Секція археологічна, 1930.

⁴⁴ Там же, стр. 73.

ным земледелием, а в степях, которые прилегали к долине Ингульца — скотоводством. Позднее, под давлением избытка населения, часть выселилась из долины Ингульца в степь, где стала заниматься скотоводством и куда перенесла с собой обычай перекрывать погребальные ямы большими плитами известняка. Транспортировка больших плит известняка со сравнительно отдаленных берегов Ингульца в степь была трудным делом, а поэтому на следующем этапе перекрытия (заклады) начали делать из более мелких камней, которые доставлялись оттуда же. Два скорченных окрашенных захоронения, ориентированных — первое головой на запад, а второе — на восток, под закладами из камня (захоронения I и II), обнаружены были в насыпи кургана и относятся к более поздним временам по сравнению с погребениями в грунтовых ямах под крупными плитами известняка. Все шесть отмеченных захоронений были в четырехугольных ямах с закругленными углами. Отсутствие инвентаря как под закладами из камней, так и в захоронениях, перекрытых крупными плитами известняка, не дает возможности точно датировать эти захоронения.

Захоронения доскифского времени в ямах, перекрытых каменными плитами или закладами из камней, в археологической литературе известны и в западной части Днестро-Бугского Причерноморья. В с. Малаевцы (Малаешты, Красноокнянский район, Одесская область) возле Трактирной могилы во время пахоты была найдена большая каменная плита, под которой лежали человеческие кости и камни различной величины⁴⁵.

И. Я. и Л. Г. Стемповскими возле с. Плоское (Велико-Михайловский район, Одесская область) раскопано большое количество курганов. Нас интересуют пять курганов (196, 217, 221, 229, 263)⁴⁶. В курганах 196, 217, 221, 263 найдено по одному захоронению. В кургане 229 были обнаружены в неглубоких ямах два захоронения, одно из которых со всех сторон было обложено камнями. Все шесть костяков из курганов с одиночными захоронениями были с подогнутыми ногами; один из них лежал на спине (217); три других — на левом боку (196, 221, 229), а один — на правом; шестой детский костяк был нарушен (263). Положение рук различно. Погребение 229 сильно скорчено⁴⁷.

В 1896—1900 гг. И. Я. и Л. С. Стемповскими в окрестностях с. Парканы, на восточном берегу Днестра, во время раскопок курганного могильника были найдены два костяка (90₁ и 90₂), скорченные на правом боку, положенные на материке в сомкнутом кромлехе из каменных плит, поставленных на ребро. Встречались и несомкнутые кромлехи, как в кургане № 2, где найдено восемь костяков (200₁₋₈). Костяки были в различном положении: часть лежала на спине с подогнутыми ногами (166, 184, 197₃, 199, 200₁₋₆), часть скорченными на правом боку (90₂, 123, 245₂, 162₃₋₆) и скорченными на левом боку (162₁₋₂, 197₁, 250₁₋₂, 261₁). На некоторых костяках отмечены различной интенсивности следы красной краски (200, 162₂, 184₁₋₄, 197₄). Ориентировка безразлична⁴⁸.

Этими же лицами в с. Сербка (Велико-Михайловский район, Одесская область) в кургане 259 найдены в одной грунтовой яме три костяка,

ориентированные с запада на восток. Один, скорченный, лежал на левом боку, головой на восток. Ниже этого костяка, на дне ямы, лежал на спине, головой на запад, сильно окрашенный детский костяк. Для третьего захоронения в этой же яме было выкопано лодкообразное углубление, в котором костяк лежал на спине в вытянутом положении, теменем на северо-запад. Он был обложен хорошо подобранными камнями⁴⁹.

Описанные захоронения относятся к доскифскому времени, в широком понимании этого слова, начиная от древнеямного периода и до эпохи поздней бронзы в целом. В это широкое археологическое понятие включается не только собственно эпоха бронзы, но и начало железного века (до VII в. до н. э.), однако точная датировка пока не разработана. Сравнительно точно датировано киммерийским (непосредственно предскифским) временем одно погребение, описанное Э. А. Симоновичем⁵⁰. Хотя погребение это было частично разрушено, автору удалось установить, что покойник лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на восток, в неглубокой прямоугольной яме с закругленными углами. Погребение было перекрыто известняковой плитой, представлявшей собой антропоморфную стелу.

Известны и другие антропоморфные стелы из нашего края, но, к сожалению, кроме отмеченного выше погребения из с. Капустино, захоронения, связанные с ними, не исследованы⁵¹.

Приведенная сводка погребений доскифского времени позволяет сделать некоторые обобщения.

В погребальных сооружениях бескурганых и курганых могильников широко распространено использование камня, как наиболее распространенного строительного материала в Днестро-Бугском Причерноморье, где дерево не могло играть значительной роли в строительстве в те времена⁵². В Днестро-Бугском Причерноморье предскифского времени безраздельно господствуют в бескурганых и курганых могильниках погребения в неглубоких овальных или четырехугольных ямах, перекрытых плитами известняка либо закладами из камня. Останки клали на дно ямы в скорченном положении на правом или левом боку либо на спине с подогнутыми ногами и, обычно, посыпали красной краской. Ориентировали костяки по-разному, но более распространенной была ориентация (с некоторыми отклонениями) восток-запад. Иногда дно ямы утрамбовывалось, а иногда покрывалось растительным настилом. В бескурганых могильниках ямы врезались в материк, а в курганых — в материк и в насыпи курганов и перекрывались плитами и закладами из камней. Зафиксированы случаи, когда над могильной ямой, перекрытой каменной плитой, сооружалась насыпь (купол) из необработанных средней величины камней. Широко известны захоронения в каменных ящиках, которые сложены из крупных или мелких плит известняка. Курганы, естественно, насыпались в один или несколько приемов из земли, которую брали на месте. Встречаются курганы с крепидами, полностью обложенные камнями, с одинарными или

⁴⁹ И. В. Гошкевич, указ. соч., стр. 127.

⁵⁰ Э. А. Симонович, Погребение киммерийского времени на Тилигульском лимане, КСИА, 3, стр. 31—85.

⁵¹ Л. П. Латишева, Нова антропоморфна стела епохи бронзи, Археологічний збірник, ч. I. Праці ОДУ, серія істор. наук, вип. 7, Одеса, 1959, стр. 152—156; Л. П. Латишева, Кам'яні антропоморфні вирізблення із Роксолан, МАП, вип. III, Одеса, 1960, стр. 218—221.

⁵² Г. И. Танфильев, Географические работы, М., 1953, стр. 275—280.

⁴⁵ В. Н. Ястребов, указ. соч., стр. 170; И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 37.

⁴⁶ И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 34.

⁴⁷ В. И. Гошкевич, указ. соч., стр. 124—125.

⁴⁸ И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 27.

двойными кромлехами. В кромлехах, которые выложены сплошной линией или цепочкой, круг бывает не всегда замкнутым.

Как отмечалось, в непосредственно предскифское (киммерийское) время в Днестро-Бугском Причерноморье заметное место в погребальном обряде занимали антропоморфные стелы, которые ставили на могилах покойников. Антропоморфные стелы встречены на весьма широкой территории. Западную границу их распространения следует искать в Добрудже⁵³, восточную — на берегах реки Молочной⁵⁴ и северную — в Днепропетровской области⁵⁵. В границах, намеченных распространением антропоморфных стел, в киммерийское время обитали, очевидно, племена с родственными религиозными верованиями и культурой.

В Днестро-Бугском Причерноморье факты применения дерева в погребальных сооружениях пока неизвестны. Предположительные же высказывания о погребальных ямах, перекрытых деревянным настилом, из раскопанного М. Эбертом могильника возле х. Марицино принимать во внимание рискованно.

Курганы с ямами, перекрытыми плитами известняка, над которыми накладывались куполообразные груды камней, напоминают курганы Подолии и мест, прилегающих с юго-востока к Карпатам; в нашем крае этот тип курганов известен только в Усатовском курганном могильнике. В Подолии и местах, прилегающих к Карпатам, подобные курганы очень устойчивы и бытуют в скифо-сарматское время⁵⁶. Этот факт особенно интересен в связи с тем, что на Усатовском селище и могильнике обычны находки кремня, происходящего из Подолии. Интересны также находки на поселении поздней бронзы возле х. Черевичного на Хаджибейском лимане⁵⁷ орудий труда из пород камня, обычных для южной Подолии и юго-восточных Карпат.

Курганные и бескурганные захоронения Днестро-Бугского Причерноморья доскифского времени бывают с инвентарем и без инвентаря; встречаются захоронения с напутственной пищей. Здесь же необходимо отметить, что инвентарные и безынвентарные захоронения встречаются в курганных и бескурганных захоронениях, даже в одном могильнике. Примером этому может быть курган возле Криничной балки, захоронения которого (поздняя бронза) хронологически близки между собой. В основном они безынвентарные, но встречались и с инвентарем (хотя и бедные). Аналогичное явление было замечено и во время раскопок курганного могильника в с. Большой Куяльник, где в кургане № 3 (1) нашли три захоронения, одно из которых было с богатым инвентарем, а два без инвентаря⁵⁸.

В погребальном инвентаре доскифского времени в нашем крае первоочередную роль играет глиняная посуда, но очень часто встречается оружие, орудия труда, изображение различных животных (быка, собаки, оленя). Наличие в захоронениях инвентаря или отсутствие его можно объяснить различием в общественном положении покойника при

⁵³ «Dacia», т. II, 1925, стр. 422—424.

⁵⁴ А. И. Тереножкин, Археологические исследования на территории строительства Молочанского водохранилища, КСИА, вып. I, стр. 15—19.

⁵⁵ В. М. Даниленко, До киммерийської проблеми (у зв'язку з опублікуваннями стели з с. Наталівки), Археологія, V, стр. 218—226.

⁵⁶ I. Eisner, Slovensko v pravku, Bratislava, 1933; I. Böhm, Mohylove pohřbiště na P. Rusi, Praha, 1932.

⁵⁷ М. С. Синицын, Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджибейського лиману, Одеської області, МАПІ, вип. II, 1959.

⁵⁸ Е. Ф. Лагодовская, Отчет о раскопках кургана № 3 (1), Архив ОГАМ.

жизни. Возможно, в предскифское время в Днестро-Бугском Причерноморье всем покойникам клали напутственную пищу; уверенно говорить о ней можно только в тех случаях, когда находили остатки пищи в сосудах либо кости животных. Широко известны остатки напутственной пищи в виде просяной каши или проса. Для приготовления напутственной пищи использовали мясо различных животных, в том числе и коня, как это было прослежено в Усатово в курганах № 3 и № 5⁵⁹.

Погребений скифского и сарматского времени в Днестро-Бугском Причерноморье раскопано значительное количество, главным образом, до Великой Октябрьской социалистической революции. Материалы этих погребений частично были опубликованы авторами раскопок. Часть материала была издана позже другими лицами, а значительное количество их осталось неопубликованным. Основная масса погребений скифо-сарматского времени нашего края, известных в археологической литературе, раскопана на берегах Нижнего Буга и Днестра.

В описании погребений Днестро-Бугского Причерноморья скифского времени прежде всего остановимся на захоронениях, раскопанных М. Эбертом в 1910 году возле с. Солончаки (Адзигол), Очаковского района. Эти погребения представляют для нас особый интерес: они раскопаны в тех местах, на которых Геродот размещает каллипидов, а декрет в честь Протогена — миксэллинов, и часть из них сравнительно точно датирована VI—II вв. до н. э., т. е. временем, охватывающим времена каллипидов и миксэллинов. Ни один из древних источников не указывает на эту территорию как на территорию обитания собственно скифов, хотя кратковременные пребывания собственно скифов в этих местах весьма возможны; это вытекает из рассказа Геродота о Скиле и из декрета в честь Протогена.

Захоронения могильника у с. Солончаки относятся к скифскому времени, а некоторые даже к средним векам. Сказанное дает право рассматривать погребения скифского времени (VI—II вв. до н. э.) как характерные для оседлого населения этой части Днестро-Бугского Причерноморья. М. Эбертом раскопано 12 незначительных курганов, в которых обнаружено 14 погребений. Погребения на основании находок отнесены исследователем к VI в. до н. э. (два погребения), к V в. до н. э. (четыре погребения), к IV в. до н. э. (одно погребение), к III в. до н. э. (два погребения). Погребения, которые отнесены к VI в. до н. э. и к V в. до н. э. (3—4), ямные и были перекрыты деревянным настилом, а два (5—6) — в неглубоких ямах, засыпаны просто землей. Погребения, отнесенные к IV—III вв. до н. э. (10, 11, 12), были катакомбными. Катакомбы в Солончаковском курганном могильнике были двух типов: 1) ниша-подбой в длинной стене ямы, 2) специальная погребальная камера, которая соединялась со впускной ямой-проходом. Погребения сопровождалась захоронением коней⁶⁰.

В том же году севернее х. Петуховки М. Эбертом был раскопан могильник, который относится к скифскому и раннесарматскому времени. Этот могильник расположен севернее устья Петуховской балки, разделяющей его от поселения скифского времени. На этом поселении, расположенном на юг от устья упомянутой балки, в 1940, 1949 гг. проводились раскопки Ольвийской археологической экспедицией в Одесском ар-

⁵⁹ Э. Ф. Патокова, Изображение на памятниках Большого-Куяльника—Усатово, МАСП, вып. I, Одесса, стр. 38.

⁶⁰ M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Teil II, Praehistorische Zeitschrift, 1913, Bd. V, H. 1—2, стр. 31—80.

хеологическим музеем, показавшие, что это поселение и рядом расположенный могильник синхронны⁶¹. На территории могильника заметны небольшие насыпи, под которыми обычно находилось по несколько захоронений. Курганы могильника сильно сглажены пахотой. Едва заметные курганчики хорошо просматриваются утром и вечером, когда лучи солнца образуют возле них тень. Эберт на этом могильнике раскопал 29 захоронений, но определил лишь 17. Автором отнесены: к V в. до н. э. одно захоронение в яме, перекрытое деревянным настилом; к IV в. до н. э. — четыре захоронения в неглубоких ямах с закругленными углами и пять в нишах-подбоях; к III в. до н. э. два захоронения в нишах-подбоях, два в катакомбах и три — в камерах со ступенчатым спуском; к II в. до н. э. отнесены: одно захоронение в неглубокой яме с закругленными углами, тринадцать в нишах-подбоях и пять в камерах со ступенчатым спуском. Одно не датированное погребение Эберт предположительно считал трупосожжением⁶². Вытянутые костяки лежали головой на восток либо на запад.

Солончаковский и Петуховский могильники, относящиеся к скифскому и раннесарматскому времени (VI—II вв. до н. э.) и расположенные на землях каллипидов и миксэллинов, по типам погребальных сооружений между собой аналогичны. На раннем этапе в этих могильниках господствуют захоронения в неглубоких ямах, перекрытых деревянным настилом. В среднескифский, позднескифский и раннесарматский периоды (IV, III, II вв. до н. э.) постепенно увеличивается количество катакомбных захоронений. При этом катакомбы постепенно усложняются: рядом с захоронениями в подбоях появляются захоронения в камерах, соединенных со впускной ямой специальным проходом, или в катакомбах со ступенчатым спуском. Почти все захоронения, как отмечает Эберт, разграблены, что не дает возможности сделать какие-либо заключения об общественном и экономическом положении погребенных в различных погребальных сооружениях. Однако наличие экономического неравенства, которое появилось среди оседлого населения Днестро-Бугского Причерноморья позднескифского времени⁶³, позволяет думать, что различие в погребальных сооружениях может быть объяснено различием в экономическом и общественном положении покойников⁶⁴. Инвентарь, найденный Эбертом на Солончаковском и Петуховском могильниках, не позволяет предположить какие-либо этнические различия. Инвентарь этих могильников аналогичен найденному на Петуховском поселении скифского времени.

Материалы из могильников и поселений свидетельствуют о значительном греческом влиянии на население нашего края, причем влияние на инвентаре из поселений, сравнительно с могильниками, более ощутимо. Примером может служить хотя бы вымачивание внутренних двориков по греческому обычаю. Но греческим влиянием нельзя объяснить изменения в погребальных сооружениях на Солончаковском и Петуховском могильниках.

⁶¹ Е. И. Левин, Итоги ольвийской экспедиции, КСИИМК, XXXVIII.

⁶² М. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Teil II, Praehistorische Zeitschrift, 1913, Bd. V, H. 1—2.

⁶³ М. С. Синицын, Про рівень економічного розвитку осілого населення південної частини Дністро-Бузького межиріччя скіфського часу, Праці ОДУ, серія історичних наук, вип. 6, Одеса, 1958, стр. 185—200.

⁶⁴ М. И. Артамонов, Этногеография Скифии, Уч. зап. ЛГУ, историческая серия, № 13, стр. 149—150.

С описанными погребениями скифского и раннесарматского времени (IV—II вв. до н. э.) из Солончаковского и Петуховского могильников сближается захоронение из кургана № 1, раскопанного в 1955 году возле с. Днепровского (Сары-Камыши), Очаковского района, Николаевской области. В этом кургане, расположенном в 8 километрах южнее древней Ольвии и на таком же расстоянии севернее Петуховского могильника, обнаружили разграбленное катакомбное погребение, относимое к грани V—IV вв. до н. э. Погребальное сооружение, находившееся в юго-западной части кургана, представляло собой катакомбу, отделенную от входной ямы закладом из камней. Входная яма была со ступенькой, как и в Петуховском могильнике в погребениях 32, 33, 40, 44, 51, 53, 56. Но в захоронении в кургане № 1, в северо-западной части, на уровне горизонта был открыт каменный жертвенник, ориентированный, как и катакомба, в широтном направлении с отклонением на юго-восток и северо-запад. Основу жертвенника составлял большой четырехугольный камень с такой же формы отверстием в середине. Размер отверстия — 33 × 33 см. Наибольшая длина камня 1,38 м, ширина 0,85 м, толщина в западной части — 0,20 м и в восточной части — 0,10 м. С юга и севера камень был обложен старательно подобранными мелкими камнями. Общий размер жертвенника с обкладкой равнялся 1,38 × 1,20 м⁶⁵.

Многими исследователями древней Ольвии собран огромный материал по погребальным обычаям ольвиополитов. Хотя общая работа по ольвийскому некрополю еще не написана, отчеты В. В. Фармаковского публикации Т. Н. Книпович, С. И. Капошиной, В. М. Скудновой, Ю. И. Козуб и Л. М. Славина дают возможность сделать некоторые общие выводы об этом некрополе. Следует прежде всего при этом иметь в виду, что в экономической, политической и культурной жизни древней Ольвии решающую роль играли греки. Аборигены, обитавшие в Ольвии и близких и далеких ее окрестностях, несмотря на свое количество (рабы ольвиополитов, обитатели многочисленных поселений, зависимых от греков-ольвиополитов⁶⁶ экономически и политически), пребывали на сравнительно низком уровне общественного развития⁶⁷. Обитавшие же в степях собственно скифы и другие кочевники, у которых экономическое неравенство раньше развивалось, чем у оседлых земледельцев, оказывали политическое влияние не только на оседлых земледельцев, но и на ольвиополитов: они оказывали влияние и на духовную жизнь, а в том числе и на погребальные обычаи земледельцев и ольвиополитов. Только что сказанное не дает права считать погребения с отдельными греческими чертами за эллинские. Безусловно, на погребальные обычаи коренного населения влияли не только греческие обычаи, но и скифские, а со временем и сарматские.

Т. М. Книпович в своих работах, посвященных некрополю Ольвии, описала захоронения начального периода существования города (VI в.

⁶⁵ И. В. Яценко, О двух жертвенниках-эсрах в курганах побережья Днестро-Бугского лимана, Археологический сборник, Труды ГИМ, вып. 37, Москва, 1960, стр. 99—101.

⁶⁶ М. С. Синицын, Карта поселень і городищ між гирлами Дністра й Південного Бугу скіфсько-сарматського часу, Наукові записки Одеського пед. інституту, т. X, 1949, стр. 33—61; Ф. М. Штигельман, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, МИА, 50, стр. 255—272.

⁶⁷ М. С. Синицын, Про рівень економічного розвитку осілого населення південної частини Дністро-Бузького межиріччя скіфського часу, стр. 185—200.

до н. э.). Рядом с греческими захоронениями исследователем отмечены захоронения коренного населения, к которым, в первую очередь, относятся скорченные погребения, хотя инвентарь в них был, в основном, греческого производства⁶⁸. Среди скорченных погребений с более или менее богатым инвентарем широко известны скорченные безынвентарные погребения⁶⁹ и погребения с ритуальной окраской костяков⁷⁰.

К начальному периоду существования Ольвии относятся погребения и с другими негреческими чертами. Эти погребения были в достаточно просторных грунтовых ямах, которые перекрывались деревянным накатником. Встречаются захоронения в деревянных срубах и в погребальных сооружениях, напоминающих погребальные сооружения «Частых курганов», в которых деревянный накатник поддерживался столбами⁷¹. Вытянутые костяки, обычно ориентированные головой на северо-восток, сопровождалась богатым своеобразным инвентарем и костями животных напущенной пищи. В инвентаре этих захоронений наряду с предметами греческого производства встречались довольно часто предметы вооружения собственно скифов — наконечники стрел, акинаки и т. д.⁷², а также предметы скифского звериного стиля.

В эпоху расцвета Ольвии в ее некрополе найдены захоронения⁷³ с чертами, свойственными погребениям коренного населения. Среди них следует отметить захоронение в небольшой яме, обложенной плитами известняка. Интересно появление в это время нового типа погребального сооружения — ям с подбоями, в которых, в отдельных случаях, как в захоронении № 2, были найдены слегка скорченные костяки, ориентированные головой на восток⁷⁴. Сохраняется обычай, появившийся на нашей территории в VII—VI вв. до н. э. — использование дерева при строительстве погребальных сооружений. Это четко выступает в захоронении № 6, в котором найдены следы ярко-красной краски⁷⁵. В V—IV вв. до н. э. в ольвийском некрополе интенсивно проходит процесс смешения различных погребальных традиций. К этому же времени относится интересное место для сожжения трупов. Это круг (кромлех) диаметром 10,68—10,78 м, сложенный из амфор⁷⁶. Несмотря на то что сказанное, некрополь Ольвии в VI—IV вв. до н. э. в основном имел греческий характер. Отмеченные погребения с явно негреческими признаками являются незначительной, но заметной частью захоронений этого времени на Ольвийском некрополе.

Заканчивая описание погребальных обычаев, зафиксированных на западном побережье Днепро-Бугского лимана, следует упомянуть о захоронении, найденном в углу жилого помещения на Петуховском горо-

⁶⁸ Т. Н. Книпович, Архаический некрополь на территории Ольвии, КСИИМК, VI стр. 80—91; Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища, СА, VI, стр. 102—103.

⁶⁹ С. И. Капошина, Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, СА, VI, 1941.

⁷⁰ С. И. Капошина, Пережитки ритуального окрашивания в Ольвийском некрополе, КСИИМК, XII.

⁷¹ Т. Н. Книпович, Архаический некрополь на территории Ольвии.

⁷² С. И. Капошина, Погребение скифского типа в Ольвии, СА, XIII; С. И. Капошина, О скифских элементах в культуре Ольвии, МИА, 50, стр. 175—189.

⁷³ Б. В. Фармаковский, Розкопування Ольвії в 1926 р., Одеса, 1929, стр. 5.

⁷⁴ Там же, стр. 57—58.

⁷⁵ Там же, стр. 62.

⁷⁶ Там же, стр. 67—69.

дище. В полу была высечена небольшая ямка, в которую поставлена узкогорлая амфора с отбитой горловиной, накрытая отбитой нижней частью корчаги. На дне амфоры находились детские пережженные кости и зола. Чрезвычайно интересные факты зафиксированы на городище сарматского времени возле с. Козырки, севернее древней Ольвии, А. В. Бураковым. В продолжение нескольких лет он раскопал ряд жилых комплексов, в которых нашел свыше тридцати захоронений. Погребальные ямы незначительной величины высекались в глинобитных полах жилищ. В ямы клались амфоры либо кувшины с одной ручкой, в которых находились детские останки в скорченном положении или пережженные детские кости и пепел. Детские костяки ориентированы головами на запад либо восток⁷⁷.

В с. Веселка, Очаковского района, Николаевской области, в усадьбе колхозника Рогачева во время хозяйственных работ, как рассказывал владелец, им найден каменный ящик, в котором находились человеческие кости и амфора.

Описывая погребения скифского времени, остановимся на погребениях, раскопанных разными лицами на о. Березани, которые сравнительно хорошо датируются многочисленным греческим материалом. Следует подчеркнуть, что пребывание греков на этом маленьком острове в данном случае не только облегчает работу, но и усложняет ее. Греки, главным образом ионяне, поселившиеся в последней четверти VII в. до н. э. на о. Березани и стоявшие на более высоком уровне развития сравнительно с абorigенами, обитавшими в соседних местах, играли решающую роль в экономической и культурной жизни острова.

Коренное население края, которое жило на острове в VII—VI вв. до н. э., скорее всего, по воле греков-колонистов, играло второстепенную роль не только в экономической и культурной жизни, но и, очевидно, в количественном отношении. Наличие на о. Березани греков и их решающая роль в раннескифское время во всех областях жизни населения острова, безусловно, отразились на погребальных обычаях коренного населения, что в значительной мере усложняет изучение погребений автохтонных жителей о. Березани раннескифского времени. Среди многочисленных захоронений (более 800), раскопанных на о. Березани, господствующее положение в количественном отношении занимают греческие захоронения. К ним относятся, прежде всего, случаи сжигания трупов, т. е. обряда, который господствовал у ионян, сыгравших первостепенную роль в колонизации острова. Правда, здесь следует отметить известие Геродота о сжигании трупов у древних фракийцев⁷⁸, но влияние их на погребальные обычаи местных племен мало вероятно. Вряд ли могли оказать влияние и погребальные обычаи удаленных мест, как описанное В. Н. Ястребовым, трупосожжение, которое нами относится к доколониационному периоду⁷⁹, а также то, что сжигание трупов было широко распространено в доскифский период в среднем Поднепровье⁸⁰.

⁷⁷ А. В. Бураков, Исследование Козырского городища, КСИИМК, вып. 7, стр. 81—82.

⁷⁸ Нег., V, 8.

⁷⁹ В. Н. Ястребов, указ. соч., стр. 173—174.

⁸⁰ А. И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне реки Тясмина, КСИИМК, XLIII, стр. 96.

Из многочисленных захоронений, раскопанных на о. Березани, в центре нашего внимания находятся те, в которых отчетливо выступают местные черты доколониционного (доскифского) времени. К таким захоронениям, в первую очередь, относятся 24 скорченных погребения, из которых 9 с инвентарем и 15 без инвентаря. Скорченные погребения, раскопанные Г. Л. Скадовским, найдены в большинстве случаев в четырехугольных ямах и лишь в отдельных случаях — в овальных. Ямы, высеченные в материке, как правило, были ориентированы с востока на запад. Костяки лежали в большинстве случаев головой на восток, реже — на северо-восток и юго-восток, среди них в двух случаях была отмечена ориентация на юг и в двух — на юго-запад. Они на основании инвентаря обоснованно отнесены С. И. Капошиной к VI в. до н. э.⁸¹

К числу захоронений, которые продолжают местные традиции, следует отнести погребения в грунтовых ямах, высеченных в материке, обложенных плитами или бесформенными камнями и перекрытых плитами известняка⁸². Среди них встречались захоронения, в которых костяки лежали с подогнутыми ногами⁸³ и были ориентированы, как и скорченные, преимущественно головой на восток. Эта черта четко выступает в березанском некрополе автохтонов и, возможно, объясняется их половым составом. Поскольку среди греческих колонистов, особенно на ранних этапах колонизации, было немного гречанок, браки греков с местными женщинами были широко распространены. Среди жителей о. Березани в VI—IV вв. до н. э. автохтоны были, очевидно, представлены, главным образом, женщинами, которых и хоронили по их обычаям — головой на восток. Встречались также захоронения на спине с подогнутыми ногами, при которых ямы обкладывались и перекрывались бревнами, а дно покрывалось растительной подстилкой.

С. И. Капошина, рассмотрев данные дневника Г. Л. Скадовского и фотоальбом его раскопок на о. Березани, частично связала инвентарь с конкретными захоронениями. Это позволило ей обоснованно утверждать, что захоронения, в которых можно отчетливо проследить погребальные традиции доскифского времени, могут быть отнесены ко второй половине VI в. до н. э. и частично к V и IV вв. до н. э.⁸⁴

В 1928 г. на о. Березани М. Ф. Болтенко раскопал скорченное погребение, которое было обложено в один ряд камнями. Обкладка имела вид подковы и напоминала хорошо известные в Днестро-Бугском Причерноморье незамкнутые кромлехи доскифского времени. Безы Inventарное захоронение, которое было раскопано М. Ф. Болтенко, хорошо датируется случайными материалами, найденными при захоронении, а именно, большими обломками римского ребристого пифоса, которые автором раскопок относятся к III в. н. э.

В 1950 г. в с. Рыбаковка, Тилигуло-Березанского района, Николаевской области М. Ф. Болтенко проводил раскопки древнего бескурганного могильника, в котором обнаружил захоронения скифского и сар-

⁸¹ С. И. Капошина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, стр. 221—222; ОАК, 1907, стр. 69; ОАК, 1909—1910, стр. 111.

⁸² ОАК, 1909—1910, стр. 115.

⁸³ С. И. Капошина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. стр. 230.

⁸⁴ Там же.

матского времени⁸⁵. Но не все захоронения в достаточной мере сохранились, чтобы дать представление о конкретных погребальных обычаях и времени. Канфаровидный чернолаковый килик выразительно датирует обезглавленный костяк, который положен в яме в вытянутом положении головой на запад. При покойнике, кроме упомянутого килика, найден 21 медный наконечник стрел. Большой интерес представляет подобное захоронение, в котором вытянутый, ориентированный головой на запад костяк лежал на лежанке. На основании лепного горшка и обломков тонкостенной посуды, его можно отнести к IV в. до н. э. Большой интерес представляет парное захоронение. Костяки лежали головами на северо-восток в вытянутом положении в узкой яме. Один мужской (?) на спине, а второй — женский (?) почти на правом боку (М. Ф. Болтенко объясняет такое положение костяков теснотой ямы). Возле голов этих костяков были поставлены вертикально две заостренные небольшие (около 0,4 м) каменные плиты. Это безы Inventарное захоронение может быть датировано, правда, очень относительно, ручкой пифоса, которая найдена недалеко от костяков и отнесена автором раскопок к II в. до н. э. В 1949 г. в Рыбаковке М. Ф. Болтенко в срезе обрыва видел остатки пяти погребений в ямах, перекрытых плитами известняка, которые датируются на основании обломков глиняной посуды типа «полей погребений». В 1950 г., когда решено было провести раскопки этих погребений, они все уже свалились с обрыва в море и плиты их находились на берегу моря⁸⁶.

В 1957 г. раскопками кургана возле с. Черноморки под Одессой найдено разрушенное кладоискателями погребение, которое на основании фрагментарной лепной посуды следует отнести к VI—V вв. до н. э. Четырехугольная яма этого захоронения была ориентирована с юго-востока на северо-запад. В верхней части она имела ширину 2,10 м и длину 3,25 м, а затем на глубине около 0,50 м она сужалась уступом до ширины 1,10 м и длины 2,25 м. На уступе хорошо сохранились следы деревянного перекрытия. Балки толщиной в 9,15—0,20 м были расположены в ряд и полностью перекрывали яму. На уступе и в засыпке в большом количестве встречалась шелуха проса. Ровное дно ямы находилось на глубине 1,4 м. На дне, в юго-западной части, найдены мелкие кости ног, а в северо-восточной — фрагменты черепа человека. На костях, найденных на дне и в засыпке ямы, отчетливо наблюдались следы красной краски. В этом же кургане обнаружены два захоронения, которые предположительно можно отнести к эпохе великого переселения народов. Одно из них находилось в юго-восточной части кургана, на 0,35 м от линии горизонта, в черноземе. Кости были аккуратно сложены в кучку, на которой лежал череп. На фрагментированных костях были ясные следы окисленного железа. Вещи отсутствовали. В этом же кургане под юго-восточной полкой на линии горизонта найден человеческий костяк со следами окиси железа, ориентированный головой на восток. В костяке не хватало многих костей, в том числе и таких крупных, как ребра и позвонки. Погребение производит впечатление захоронения не человека, а человеческих костей. Предположение это подтверждается

⁸⁵ М. Ф. Болтенко, Археологическое исследование берегов Березанского лимана в 1949—1950 гг. (Архив ОГАМ); Л. М. Славин, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення в 1949—1950 рр., Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, стр. 146.

⁸⁶ Л. М. Славин, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр., стр. 146.

не только отсутствием многих костей позвонка, но и сильной скорченностью. Колени находились в 13,5 см от подбородка, а площадь, занимаемая костяком, была около одного метра в длину и 0,5 м в ширину. Никаких вещей около костяка не найдено⁸⁷.

В с. Грушевка, Первомайского района, Николаевской области, раскопками обнаружены два захоронения, из которых, очевидно, одно следует отнести к скифскому времени (скорченное), а другое (вытянутое) — к более позднему. Скорченный костяк лежал на глине на правом боку головой на север в центре эллипсоидного кромлеха, сделанного из камней, поставленных на ребро в ряд «цепочкой». Возле этого костяка найдены три каменных отщепы и один обломок пластинки из кремня. Вытянутое захоронение находилось, возможно, в ящике, сложенном из камня и окруженном камнями, стоявшими отдельно один от другого; расположение их напоминало эллипс⁸⁸. Эти захоронения не связаны с раннеславянским поселением, на территории которого они найдены. Возможно, что описанные погребения были под курганом, который был разрушен возникшим здесь поселением.

Весной 1901 г. Савицким возле с. Терновитого (Широкополянский район, Николаевская область) в бескурганном могильнике на крутом правом берегу Ю. Буга было раскопано четыре грунтовых погребения. В плотно заложённых камнем ямах лежало по одному разрушенному костяку. В одном случае, несмотря на разрушенность костяка, автору удалось установить, что он лежал на правом боку головой на восток. На основании бронзовых трехгранных и костяных четырехгранных наконечников стрел, это захоронение датируется ранним сарматским временем⁸⁹.

Большое количество курганов, а среди них и скифо-сарматского времени, в восточном Нижнем Поднестровье было раскопано И. Я. и Л. С. Стемпковскими. К сожалению, материалы этих курганов авторами раскопок не были изданы, а чрезвычайно общая публикация вышла только через пятьдесят лет⁹⁰. Захоронения не датированы и найденные в них предметы описаны в общих чертах; это в значительной мере затрудняет их использование. Но несколько захоронений (около сорока), на основании погребального инвентаря могут быть неоспоримо отнесены к скифскому, главным образом, позднему, и к раннесарматскому времени.

И. Я. и Л. С. Стемпковскими в с. Глинное (Григориопольский район, МССР) раскопан курган № 273. Под центром насыпи этого кургана на материке находился костяк, который лежал на боку, головой на запад. Ноги и левая рука его были вытянуты, но правая лежала кистью на газовых костях. На основании лепного сосуда, найденного недалеко от костяка, это захоронение предположительно можно датировать VI в. до н. э. Сосуд слабо профилирован, имел плоское дно с выступающим кантом, украшен наклепным валиком, на котором нанесены ногтем насечки.

Безусловно, к позднескифскому времени следует отнести захоронения в курганах № 281 и 345 возле с. Чобручи, которые хорошо дати-

руются бронзовыми трехгранными стрелами. В обоих случаях вытянутые костяки лежали в камерах, ориентированных с северо-запада на юго-восток. Погребальная камера кургана № 281 была высечена в юго-восточной стене ямы, с покатым полом в направлении к камере, имевшей форму полуэллипсоида с усеченными концами. Камера кургана № 345 была в виде лежащего параллелепипеда с вырезанным в стене сидением. В этом захоронении найден разбросанный скелет коня: туловище его найдено возле ног человеческого костяка, а череп и кости ног находились восточнее, левее от него⁹¹.

К позднескифскому времени (возможно, к раннесарматскому) следует отнести ряд курганов с одиночными и парными захоронениями, раскопанными И. Я. и Л. С. Стемпковскими в окрестностях с. Паркан, Тираспольского района, МССР. Самым ранним из них, по нашему мнению, следует считать курган № 143, в котором найдены бронзовые наконечники стрел, лепной сосуд, глиняные шарики. В этом захоронении входная яма, имеющая форму параллелепипеда, соединялась с погребальной камерой четырехугольным входом, сведенным кверху полукругом. Вход в камеру был забит землей. Камера, имеющая форму домика, была расписана (потолок и стены) врезными взаимноперпендикулярными линиями, а пол смазан глиной⁹². Хронологически близкими к описанному кургану являются раскопанные в той же местности (с. Парканы) теми же исследователями курганы № 109, 121, 153, 159—174, 185 и 188. Они иногда тождественны по построению погребального сооружения кургану № 143, а иногда отличны от него. Различия между отдельными погребальными сооружениями не имеют принципиального характера, а являются, очевидно, проявлением экономического и общественного неравенства. Подтверждением сказанному могут быть курганы № 185 и 159. Курган № 185 имел две погребальные камеры с двумя отдельными входами. Вход в одну камеру был не из ямы, к камере вел узкий дромос, в котором чередовались ступеньки и покатые спуски. В другой камере спуск состоял из ряда ступенек, сделанных в яме; вход в камеру был высотой в 2 метра. Курган был ограблен. Курган № 159 по своему строению аналогичен кургану № 143. Несмотря на то, что он был ограблен, в нем были найдены золотые и серебряные украшения⁹³. Описанные курганные погребения аналогичны синхронным захоронениям из могильника у Петуховской балки, раскопанным М. Эбертом.

Вблизи с. Коротное (Слободзейский район) И. Я. и Л. С. Стемпковскими раскопан невысокий курган, под которым была трапециевидная яма, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Вдоль длинных стен ямы были сделаны уступы. Полукруглое отверстие в юго-западной стене вело в катакомбу, в северо-западном углу которой лежала кучка человеческих костей. Погребение, по построению погребального сооружения, является обычным для позднескифского и сарматского времени, но в данном случае зафиксировано впервые захоронение не трупа, а человеческих костей⁹⁴.

Раскопками на Роксоланском городище в 1958—1960 гг. в слое, который относится к позднескифскому времени, нашли в помещениях в амфорах пять детских захоронений. Кости в трех случаях пережжены; в двух случаях следов огня не обнаружено; о положении костяков в

⁸⁷ М. С. Синицын, Курган біля с. Чорноморки під Одесою, МАСП, вып. II, стр. 191—194.

⁸⁸ Т. Г. Сискова, Попередній звіт про розкопки в с. Грушівка, Первомайського району, АП, т. I, стр. 186—187.

⁸⁹ ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, стр. 283.

⁹⁰ И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 16—18, 20—32.

⁹¹ И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 17.

⁹² Там же, стр. 28.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, стр. 15—16.

амфорах сказать что-либо невозможно — амфоры были раздавлены. На этом же городище в слое, который относится к началу сарматского времени, нашли скорченное погребение молодого человека в небольшой яме, сделанной в полу жилища. Костяк лежал на левом боку головой на восток, со сложенными руками возле лица.

Для полноты сводки погребений скифо-сарматского времени, раскопанных в Днестро-Бугском Причерноморье, известных по литературе и по личным наблюдениям, следует упомянуть погребения из Надлиманского городища и из с. Беляевка.

Во время археологической разведки в 1957 году на Надлиманском городище (Овидиопольский район, Одесская область) непосредственно под поверхностью был найден двойной кромлех, состоящий из камней, поставленных на ребро. Часть камней завалилась, но в основном они не сдвинулись с места и четко намечали два концентрических круга. В центре этого двойного кромлеха нашли раздавленную узкогорлую каннелированную амфору, в которой были пепел и пережженные человеческие кости. Возле амфоры находился раздавленный лепной сосуд хорошей профилировки, украшенный по плечикам зигзагами, нанесенными врезанной линией.

Севернее с. Беляевки, Одесской области, в песчаном карьере экскаватором в 1957 году было разрыто несколько безынвентарных (?) захоронений. Погребения были в небольших ямах и засыпаны черноземом. Сказать что-либо о положении костяков трудно, черепа были очень деформированы (один из них сохраняется в палеонтологическом музее Одесского государственного университета).

Описанные погребальные обычаи Днестро-Бугского Причерноморья скифо-сарматского времени в сопоставлении с погребениями доскифского времени более разнообразны. В Скифии, на землях, которые Геродот отводит племенам каллипидов и частично алазонов, в скифское и сарматское время устойчиво сохраняются погребения с чертами, характерными для более ранней эпохи. В это время в курганных и бескурганных могильниках здесь встречаются скорченные погребения в неглубоких, с более или менее закругленными углами четырехугольных ямах, перекрытых плитами известняка и каменными закладами. Скорченные костяки со следами ритуального окрашивания, пережженные человеческие кости и зола находимы были в одинарных и двойных замкнутых и незамкнутых кромлехах, на уровне древнего горизонта в ямах, высеченных в полу жилых помещений. Захоронения в каменных ящиках известны в Днестро-Бугском Причерноморье лишь до позднескифского времени. Обычными в нашем крае в скифо-сарматскую эпоху являются погребения, в которых обычаи доскифского времени смешаны с греческими, а также с обычаями, распространившимися в нашем крае в скифское и сарматское время.

В раннескифское время, т. е. в начале VI в. до н. э., в Днестро-Бугском Причерноморье появляются новые типы захоронений. Это были деревянные срубы, опущенные в четырехугольные ямы, перекрытые накатником, либо дерево служило только материалом для перекрытия грунтовых ям. Ямы перекрывались кругляком и плахами. Деревянные перекрытия клались на края ям, иногда на специально высеченные в них уступы; встречались погребальные сооружения, в которых деревянные перекрытия опирались на специальные столбы, вкопанные в дно ямы. Вытянутые костяки в этих погребальных сооружениях обычно были ориентированы (со значительными отклонениями) по линии север-

юг. Эти типы погребальных сооружений встречаются в VI—V вв. до н. э. главным образом в могильниках Бугского лимана и мест, близких к нему. В могильниках на побережье Днестровского лимана погребальные сооружения с использованием дерева пока не зафиксированы; это можно в какой-то мере объяснить недостаточной изученностью археологических памятников побережья Днестровского лимана.

В современной археологической литературе (Т. Н. Книпович, С. И. Капошина) эти погребальные сооружения нашего края сближают с погребальными сооружениями более северных мест (курганы Смелы, «Частые курганы»⁹⁵). В связи с этим следует вспомнить, что в слое VI в. до н. э. в Ольвии (участок «А») и на о. Березани встречается глиняная посуда, близкая к находимой на Бельском городище и других археологических памятниках более северных мест. Обычно это небольшие тонкостенные сосуды хорошей профилировки, сделанные из глины хорошего отмула. Поверхность темная, светлая либо коричневая, старательно заглажена и производит впечатление как бы покрытой лаком, хотя встречаются и сосуды с шершавой поверхностью. Орнаментирована эта посуда врезанными прямыми линиями, которые, пересекаясь между собой, создают геометрические фигуры. Иногда линии состоят из врезанных точек (пунктиров); углубления обычно заполнены белой пастой⁹⁶. Распространение этой посуды в нашем крае синхронно и совпадает с местами распространения погребальных сооружений с использованием дерева.

Приведенные факты позволяют предположить, что в начале VI в. до н. э. значительные группы племен передвинулись из лесостепной полосы (Черкасская, Сумская и Воронежская области) в наш край, а возможно только в Нижнее Побужье. Северные пришельцы скорее всего потеснили аборигенов, что подтверждается рядом разрушенных и вновь возникших поселений на побережье Бугского лимана и на взморье. Занесенные из лесостепной полосы в Днестро-Бугское Причерноморье производственные традиции, в том числе и в керамическом производстве, были быстро забыты под влиянием традиций основной массы населения края, которая обитала здесь и в эпоху бронзы. Ведь на побережье Бугского лимана и местах, прилегающих к нему, керамика, украшенная врезанными линиями, встречается только в слоях, которые относятся к VI в. до н. э.

Применение дерева в устройстве погребальных сооружений в могильниках побережья Бугского лимана, о. Березани и побережья Черного моря известны как в VI, так и в V в. до н. э. Сравнительная устойчивость их в нашем степном крае может быть объяснена только консервативностью погребальных обычаев. Но постоянная нехватка строевого леса, влияние местных погребальных обычаев, ассимиляция пришельцев с коренным населением были основными факторами, обусловившими исчезновение в конце V в. до н. э. погребальных обычаев, занесенных в наш край из лесостепной полосы.

Ранние этапы культуры племен, хоронивших своих покойников в погребальных сооружениях с использованием дерева, на Украине неизвестны. Только на поздних этапах эпохи бронзы, в конце II и в начале

⁹⁵ Т. Н. Книпович, Некрополь на территории Ольвии, КСИИМК, X; С. Н. Замiatин, Скифский могильник Частые курганы под Воронежем, СА, VIII; С. И. Капошина, Погребение скифского типа в Ольвии, СА, XIII.

⁹⁶ И. С. Капошина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, МИА, 50; Г. О. Дзис-Райко, Ліпна кераміка з о. Березані, VII—VI ст. до н. е., МАСП, вып. II, 1959.

I тысячелетия, в лесостепной полосе, в бассейнах, верхнего Донца, Воркслы и Сулы поселились племена срубной культуры⁹⁷. В лесостепную же полосу в VII в. до н. э., (скорее всего, даже в начале VI в. до н. э.) из Северного Кавказа переселилась часть скифских племен, которые вместе с предметами переднеазиатского искусства занесли сюда и сложные погребальные сооружения (курганы Смелы). Погребальные традиции срубной культуры и традиции, принесенные скифами, смешались, дав новые погребальные обычаи («Частые курганы»).

С конца V в. до н. э. в Днестро-Бугском Причерноморье начинает широко распространяться обычай захоронения покойников в нишах или в специальных погребальных камерах. Простые ниши сделаны были в длинных стенах впускных ям. Более или менее сложные погребальные камеры соединялись со впускными ямами—«воротцами». Впускные ямы имели ступеньки, дромосы, а иногда ступеньки чередовались с пологими дромосами.

Погребения в подбоях и катакомбах, раскопанные М. Эбертом на Петуховском и Солончаковском могильниках, становятся обычными в нашем крае, начиная с IV в. до н. э., и существуют до III в. н. э. Среди них значительный интерес представляет курган № 1 возле с. Днепровского, Очаковского района. Этот курган хорошо раскопан и сравнительно точно датирован греческим инвентарем. Наличие жертвенника, найденного в нем, можно объяснить греческим влиянием и местными традициями. Устройство впускной ямы со ступенькой и катакомбы⁹⁸ аналогичны устройству впускных ям и катакомб многочисленных захоронений Днестро-Бугского Причерноморья. В могильниках побережья Бугского лимана катакомбные погребения широко распространяются в IV в. до н. э., а в могильниках Нижнего Днестра они становятся основной формой погребений в III в. до н. э. (могильники с. с. Чобручи, Глиное и Парканы).

Сложные погребальные сооружения в курганах с дромосами со специальными камерами для покойников, положенных на спине в вытянутом положении (ориентированных, в основном, по линии север—юг), с богатым инвентарем, среди которого были и предметы с переднеазиатскими чертами, появляются раньше всего (VII—VI вв. до н. э.) на Северном Кавказе⁹⁹. Курганы, раскопанные у Токмаковки, Симферополя и некоторые из курганов Смелы, относимые к VI-V вв. до н. э., близки по типу погребальных сооружений и инвентарю к вышеупомянутым Северо-Кавказским¹⁰⁰. Распространение новых погребальных обычаев в VI в. до н. э. на территории современной УССР обоснованно связывается с появлением в этих местах скифов.

Носители новых погребальных обычаев, собственно скифы, передвигавшиеся с Северного Кавказа в Северное Причерноморье (скорее всего в начале VI в. до н. э.), столкнулись здесь с племенами, имевшими свои традиционные погребальные обычаи.

В Днестро-Бугском Причерноморье в доскифское время погребения

⁹⁷ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, стр. 7.

⁹⁸ И. В. Яценко, О двух жертвенниках-эсхарах в курганах побережья Днепровско-Бугского лимана, Археологический сборник, Труды ГИМ, вып. 37, М., 1960, стр. 101; Е. Г. Кастанаян, Обряд тризны в Боспорских курганах, СА, XIV, стр. 131—138.

⁹⁹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, М., 1925, стр. 310—345; Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 175—300.

¹⁰⁰ М. И. Ростовцев, указ. соч., стр. 432, 469.

нишах (катакомбах) неизвестны; здесь безраздельно господствуют погребения в ямах. В степях же, восточнее Днепра, катакомбные погребения широко известны со II тысячелетия до н. э. При этом среди поздних захоронений встречаются погребальные камеры весьма сложного устройства¹⁰¹. Сложные погребальные сооружения по своему устройству приближаются к сооружениям богатых курганных захоронений скифского времени.

Скифы-номады и «царские» скифы, расселившиеся в местах распространения погребений в подбоях (катакомбах), по своему уровню культурного развития стояли выше кочевых и оседлых аборигенов¹⁰². К тому же коренное население попало в политическую зависимость от пришельцев¹⁰³.

Только что отмеченные факторы, близость между погребальными сооружениями пришельцев и аборигенов, а также слабая сопротивляемость племенных религий, не имевших пропагандистского характера, были причинами интенсивного процесса смешивания погребальных обычаев скифов и аборигенов и возникновения новых погребальных обычаев. Эти обычаи, возникнув в степях, восточнее Днепра, постепенно распространились на запад. Распространение на запад погребальных обычаев, согласно которым покойников, ориентированных по линии север—юг, клали в вытянутом положении в специальных погребальных камерах либо в подбоях, обусловлено прямыми и косвенными контактами между оседлыми обитателями Днестро-Бугского Причерноморья и носителями новых в этом крае погребальных обычаев.

На характер таких контактов между оседлым населением нашего края и кочевниками проливают свет два общеизвестных факта. На границе V—IV вв. до н. э. в Приморье ряд поселений, возникших в начале VI в. до н. э., был разрушен. Около этого же времени, в конце V и начале IV вв. до н. э., возникает значительное количество новых поселений, которые существуют обычно до II в. до н. э. Отмеченные факты служат основанием для предположения о насильственном вторжении в Днестро-Бугское Приморье носителей обрядов погребений в нишах и погребальных камерах. Пришельцы-кочевники не только разрушили ряд поселений, но в дальнейшем смешались с аборигенами и перешли к прочной оседлости, что и привело к значительному увеличению населения в этом крае.

В степной полосе среди многочисленных курганов скифского времени раскопан ряд курганов на Нижнем Днепре и местах, прилегающих к нему с востока, относящихся главным образом к IV—III вв. до н. э.¹⁰⁴. Погребальные сооружения этих курганов являются переходными формами между Северо-Кавказскими и распространившимися в нашем крае в IV—III вв. до н. э. Они представляют собой ямы (колодцы), от которых в стороны отходят погребальные камеры. Применение дерева и камня зафиксировано, главным образом, в богатых курганах, как Чертолыцкий, Александровский, Долгий и др. В данном случае для нас представляет интерес курган Бабы¹⁰⁵. В этом сравнительно сложном по-

¹⁰¹ Т. Б. Попова, Племена катакомбной культуры, М., 1955, стр. 10.

¹⁰² Нег., IV, 46.

¹⁰³ Нег., IV, 20.

¹⁰⁴ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, М., 1925, стр. 412, 413, 432, 469; Наринская, стародавньої історії Української РСР, Київ, 1957, стр. 163; Древности Геродотовой Скифии, вып. 11, СПб., 1872, стр. 74—111.

¹⁰⁵ М. И. Ростовцев, указ. соч., М., 1925, стр. 412.

гребальном сооружении камень используется только в насыпи кургана. Этим данное сооружение связывается с курганами Северного Кавказа VII—VI вв. до н. э. и с «царскими» курганами Нижнего Днепра. Сам же погребальные камеры кургана Бабы типичны для массовых захоронений, широко распространенных в IV в. до н. э. в тех местах, где предыдущие времена распространены были катакомбные захоронения и на которых, по Геродоту, в V в. до н. э. жили скифы-номады и «царские»¹⁰⁶.

Массовые погребальные сооружения скифо-сарматского времени степях восточнее Нижнего Днепра за последние годы сравнительно хорошо изучены и освещены в специальной литературе¹⁰⁷. Впускные ямы были различной глубины с вертикальными либо со слегка наклоненными стенами, с уступами и ступеньками, а иногда и пологими дромосами. Погребальные камеры были также различными по устройству. Простейшие из них представляли собой ниши, выдолбленные в стенах впускных ям, но обычно они были сравнительно сложного устройства. Частые катакомбы сооружались на значительной глубине (до 6 м), и при этом они находились глубже дна впускной ямы, обычно четырехугольной в плане и преимущественно с богатым инвентарем. Встречались погребальные камеры и овальные в плане, высотой иногда до 1,8 м с потолками в виде сводов. В отдельных случаях дно (пол) покрывались травой, а возможно и шерстью, а стены облицовывались деревянными планками. Вход из впускной ямы в погребальную камеру засыпали черной землей либо глиной и хорошо утрамбовывали. Иногда отделяли впускную яму от погребальной камеры деревянным щитом или закладом из камней. Характер перекрытия погребальной камеры и конструкции погребальных сооружений, как правильно предполагает А. В. Добровольский, были обусловлены общественным и экономическим положением покойника¹⁰⁸.

Кратко описанные погребальные сооружения, относимые частично к V в. до н. э., а главным образом к IV и последующим векам, включая сарматское время, раскопаны на землях номадов и «царских» скифов. Они аналогичны погребальным сооружениям, зафиксированным в Днестро-Бугском Причерноморье. На побережье Бугского лимана эти погребальные сооружения распространяются в начале IV в. до н. э., а на побережье Нижнего Днестра (Парканы, Коротное, Чобручи) они известны только с конца IV в. до н. э., а в основном с III в. до н. э. Но уже в конце III в. либо в начале II в. до н. э. здесь появился обычай погребения покойников в жилищах.

В конце III в. и начале II в. до н. э. в Днестро-Бугском Причерноморье произошли страшные разрушения, которые обычно связываются с передвижением сарматов от Дона до Дуная. К сожалению, ни одна ольвийская надпись и никакой иной источник сарматов в это время в окрестностях Ольвии не упоминают. Эпиграфические источники сообщают о присутствии в окрестностях Ольвии племен савдаратов, саиев, фисаматов и др.

Существование в Днестро-Бугском Причерноморье савдаратов, ски-

и фисаматов зафиксировано декретом в честь Протогена, хронологически очень близком или даже синхронном появлению здесь обычая погребения покойников в жилищах. Синхронность отмеченных фактов, наличие, которое придается в декрете ранее не известным в этих местах фисаматам и савдаратам, позволяет этот обычай связать именно с этими народами. Хотя в это время на территории, прилегающей к Ольвии, упоминаются скиры, галаты, скифы, но пребывание в этих местах савдаратов было кратковременным эпизодом, а поэтому этот погребальный обычай с ними связывать не приходится; погребальные обычаи скифам известны, а поэтому обычай хоронить своих покойников в жилищах следует связывать с появлением в окрестностях Ольвии скиров, савдаратов, саиев либо савдаратов.

Савдараты (черноризцы) некоторыми русскими филологами отождествляются с меланхленами (черноризцами) Геродота¹⁰⁹, обитавшими в более восточных местах¹¹⁰. Продолжительное пребывание савдаратов в окрестностях Ольвии и в Днестро-Бугском Причерноморье детально изучается Дионом Христомом, который указывает, что греки-ольвиополиты заимствовали обычай носить одежды черного цвета у меланхленов (черноризцев). Все это позволяет предположить, что обычай захоронения покойников в жилых помещениях в наш край занесен жителями савдаратов.

Захоронения в жилищах были в основном детскими, хотя известен и обычай скорченного взрослого погребения в яме, высеченной в полу жилого помещения. Но в большинстве случаев при раскопках найдены в амфорах или в других сосудах перегорелые детские кости и золу скорченных детские костяки. Скорченные погребения были ориентированы по линии запад—восток. Скорченность и ориентация костяков сближают эти погребения с местными обычаями доскифского времени.

Следует упомянуть пока единственное недатированное погребение, которое генетически не связано с погребальными обычаями нашего края и соседних территорий. И. Я. и Л. С. Стемковские раскопали в с. Чобручи, в кургане № 410, костяк, пересыпанный известью. Этот обычай хорошо известен только в могильниках Нижнего Поволжья. Скоряно, это погребение является в нашем крае пока что единственным свидетелем передвижения сарматов-язигов на Дунай.

В могильниках побережья Черного моря, Бугского и Днестровско-лиманов в начале новой эры снова появляются отдельные черты, характерные для погребений предскифского времени. При этом они возмещаются в погребениях с основными признаками, свойственными грекам либо скифским погребальным обычаям, а также в обычае захоронения в жилых комплексах, появившемся в Днестро-Бугском Причерноморье в сарматское время.

В советской археологической литературе распространение в Северном Причерноморье погребений с захоронениями лошадей связывается с передвижением на эту территорию скифов¹¹¹. Здесь в скифо-сарматское время погребения с захоронением лошадей стали обычными.

¹⁰⁶ Нег., IV, 19—20.

¹⁰⁷ А. В. Добровольский, Археологические исследования на территории Каховской ГЭС, КСИА, 1; Д. Т. Березовец, Раскопки кургана у с. Кут, Днепропетровской обл., КСИА, 4.

¹⁰⁸ А. В. Добровольский, Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС, КСИА, 1, стр. 11.

¹⁰⁹ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, вып. III, стр. 79; А. И. Соболевский, Северо-скифские этюды, ИОРЯС, т. XXVI, стр. 27—28.

¹¹⁰ Нег., IV, 20, 107; С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.-Л., 1953, стр. 314, 342.

¹¹¹ Вопросы скифо-сарматской археологии, Изд-во АН СССР, 1954, стр. 146, 155.

Но в Днестро-Бугском Причерноморье пока что неизвестны массовые захоронения, подобные Северо-Кавказским. К тому же на нашей территории часто находимы были не конские костяки, а их части¹¹², что позволяет предположить в нашем крае существование не только захоронения коней, а и захоронение напутственной пищи—конины. Конины же как напутственная пища в Днестро-Бугском Причерноморье известна эпохи бронзы (Усатово). Сказанное позволяет предположить, что в нашем крае обычай аборигенов (захоронение конины в качестве напутственной пищи) и скифов (захоронение коней) смешались и в результате обычай захоронения лошадей либо их частей здесь становится устойчивым и существует как в скифское, так и в сарматское время.

Погребения же костей, сложенных кучкой, известны только в Кировоградской области, а с деформированными черепами — только Крымской области. Последние группы погребений, вероятно, следует отнести уже к эпохе великого переселения народов.

¹¹² И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 17, 28 и др.

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРОВСКОГО ЛИМАНА С ГРЕЦИЕЙ

А. Г. САЛЬНИКОВ

Изучение торговых связей между древними жителями берегов Днестровского лимана и центрами Греции представляет немалый исторический интерес. Греческие купцы рано познакомились с природными богатствами Нижнего Поднестровья и можно полагать, что еще в VI в. до н. э. на побережьях Днестровского лимана появились первые постоянные поселения ионийцев — Тира на западном берегу¹ и городище у современного села Роксоланы на восточном². В дальнейшем на берегах лимана возникла, как показывают данные разведок³, густая сеть населенных пунктов. Древние авторы сохранили ряд названий этих поселений⁴, а начавшиеся в последние годы раскопки позволяют наметить, главным образом, путем изучения керамики, направления торговых связей, соединявших в древности поселения побережий лимана с Грецией⁵.

Летом 1960 г. отряд Роксоланской археологической экспедиции Одесского государственного археологического музея⁶ начал раскопки древнего поселения, расположенного на западном берегу лимана, в 7 км к северу от г. Белгорода-Днестровского, у с. Пивденное, Старокашачького района, Одесской области. Поселение расположено на высокой береговой террасе на высоте 68,7 м от уровня лимана.

¹ А. И. Фурманська, Археологічні пам'ятки Тіри, «Археологія», т. X, 1957, стр. 60; Т. Д. Златковская, О начальном периоде истории Тир, СА, 1959, № 2, стр. 61—64.

² М. С. Синицын, Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957 и 1958 гг., ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 196—201; он же, Некоторые результаты раскопок на Роксоланском городище (1957—60 гг.), КС ОГУ и ОГАМ, Одесса, 1961, стр. 14—37.

³ И. Т. Черняков, Археологическая разведка берегов Днестровского лимана, ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 209—218; И. Б. Клейман, К. И. Ревенко, Археологічні спостереження на західному узбережжі Дністровського лиману, МАПП, вып. 2, 1959, стр. 118—121.

⁴ Например, Страбон, География, кн. VII, гл. 3, § 16 (ВДИ, 1947, № 4, стр. 199—200). Ср. М. С. Синицын, Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гирлами Південного Бугу та Дністра, МАПП, вып. 3, 1960, стр. 18—24.

⁵ О. Г. Сальников, До питання про торговельні зв'язки стародавніх поселень на узбережжі Дністровського лиману з Грецією у VI—II ст. до н. е., МАПП, вып. 3, 1960, стр. 25—32.

⁶ Начальник экспедиции М. С. Синицын; состав отряда: А. Г. Сальников (начальник отряда), А. А. Ашрафиан (ст. научный сотрудник Одесского музея), А. С. Нечитайло (студент Одесского университета).